

Великие шестидесятники

Валерий Плотников

Времена оттепели прошли

воспоминания фотографа

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ9

Дизайнер обложки *Дмитрий Агаонов*

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой
Светлану Ярошевич и Алену Белодедову

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора

Плотников, Валерий Федорович.

ПЗ9 Времена оттепели прошли : воспоминания фотографа / Валерий Плотников. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с. : ил. — (Великие шестидесятники)

ISBN 978-5-17-110939-4

Валерий Плотников — легендарный фотограф, пик популярности которого пришелся на 70–90-е годы прошлого столетия. Мастерство, умение видеть глубину души человека, передавать в фотопортрете настроение и черты характера снискали ему международную славу. Попасть в объектив камеры Плотникова считалось престижно и знаково. У него снимались известные артисты, художники, писатели, политики, среди которых Владимир Высоцкий, Марина Влади, Иннокентий Смоктуновский, Алла Демидова, Михаил Шемакин, Сергей Соловьев, Борис Мессерер, Сергей Довлатов... И фотограф создавал уникальные произведения искусства. Недаром Ю. Рост назвал его «певцом культурного слоя». Валерий Плотников смог остановить мгновения. А как он это сделал, какой прошел творческий путь, с кем дружил и встречался, как фотографировал, он подробно рассказывает в своей книге.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110939-4

© В.Ф. Плотников, 2020
© Издательство АСТ, 2020

Помните, что человек, которого вы фотографируете, составляет 50% портрета, а остальные 50% — это вы.

*Лорд Патрик Личфилд,
британский фотограф,
кузен королевы Елизаветы II*

Многие фотографы считают, что если они купят лучшую камеру, то смогут снимать лучшие фотографии. Лучшая камера не будет работать за вас, если в вашей голове или в сердце ничего нет.

*Арнольд Ньюман,
американский фотограф, создатель жанра
портретной съемки в естественной обстановке*

Фотография — это тайна о тайне.

*Диана Арбус,
американский фотограф, одна из центральных
фигур документальной фотографии*

Город на Неве

Родился я 20 октября 1943 года в Барнауле, в эвакуации. Мой отец был директором завода, который тогда перебазировали на Алтай. Он был из городской номенклатуры не самого высокого ранга, но имел доступ ко всем этим американским ленд-лизским поставкам, а ведь далеко не все могли получать их.

Когда мне было два года, мы уже жили в Петербурге, и мне взяли няню, девочку лет пятнадцати-шестнадцати, которая приехала из-под Новгорода.

Кстати, сразу хочу отметить, что я не люблю и никогда не любил слово «Ленинград» и всегда боролся против него. Я всегда отдавал предпочтение Петербургу — в отличие от многих своих друзей и товарищей, к сожалению, рассеявшихся по всему миру. Безусловно, бывают разные обстоятельства, и можно уехать куда-то, причем очень даже далеко, но я никогда не забываю свой родной город, не забываю, что он мне дал. Да и не только мне, а очень многим.

А Петербург — это для меня вопрос принципиальный. Я точно знаю, что как вы корабль назовете, так он и поплывет. И что только блокада Ленинграда возможна, а блокада Санкт-Петербурга невозможна — это же абсурд.

И слово «Питер» мне не нравится. Лучше говорить «город на Неве». Потому что «Питер» — это говорит

Александр Невзоров. А «город на Неве» — это такое своеобразное политкорректное умолчание.

Сейчас я человек уже немолодой, живу давно, и главное — помню все очень хорошо. Практически всю жизнь я прожил на Невском проспекте и отлично помню, как по нему ходил трамвай. Сегодня все удивляются: «Как? Неужели по Невскому ходил трамвай?!» В этом и заключается разница поколений, возраста и памяти. Да, на Невском были трамвайные рельсы, и когда умер Джугашвили, их как раз снимали.

Вспоминается масса замечательных моментов, связанных с Невским. Мы жили в доме № 54, на углу проспекта 25-го Октября и переулка Пролеткульта. Кто сегодня знает, что это за улицы? А между тем это пересечение нынешних Невского и Малой Садовой. Как сейчас вижу роскошную четверку лошадей с султанами, похоронную процессию, катаfalки. Я был тогда еще совсем маленьким, но меня поразили кони в упряжи — крупные, мощные битюги: как они пережили блокаду? Еще помню, как к самому Дому Зингера на Екатерининском канале каждый день приезжал киоск, запряженный пони или осликом, продававший билеты в цирк. Тогда даже простая покупка билетов превращалась в праздник.

И столько было этих неповторимых городских штрихов, столько деталей старого Петербурга!

Конечно, какие-то забавные ситуации и сейчас бывают. Например, перед бывшим подъездом дома № 54, в котором наша семья жила еще до 1917 года, стоит памятник неизвестному фотографу. Это не «отец российского фоторепортажа» Карл Булла, это именно неизвестный фотограф, и те три-четыре человека,

которые еще помнят мою квартиру на Невском, иногда в шутку спрашивают, сколько я заплатил за подобный «промоушен». Нет, такое мне не по карману. Кстати, то, что потрясающий Булла был моим соседом, я выяснил уже после ВГИКа, когда всерьез начал заниматься фотографией.

Не так давно один из моих товарищей по цеху нелестно отозвался обо мне, охарактеризовав как пришельца, который сделал себе имя в Москве, а теперь приехал в Петербург на пенсию, почивать на лаврах. В действительности это не так. Я всю жизнь был прописан здесь, в родном городе, и всегда подчеркивал принадлежность Петербургу. А вот многие не просто уехали из города, но даже и не вспоминают о нем.

Да, я не люблю слово «Ленинград», эту «воровскую кличку». А падение моего бесконечно любимого города началось еще в 1914 году, когда он отказался от своего святого покровителя, убрав из названия «Санкт» и став просто Петроградом. Экскурсоводы рассказывают, что город назван в честь Петра Первого, но ведь это неверно! Он получил имя в честь Святого Петра, небесного покровителя царя-основателя.

Все запутано, переврано. Приезжаешь в Москву — стоит бюст архитектора Тона. Написано: «Тон Константин Андреевич. Автор здания Ленинградского вокзала». А в Санкт-Петербурге на стене мемориальная доска с надписью: «Автору проекта здания Московского вокзала, построенного в 1851 году». Но ведь архитектор Тон умер в 1881 году, и он был строителем Николаевского вокзала, не Московского! И уж точно не Ленинградского! Что у людей в головах? Беспамятная страна...

Детство и юность

Итак, я родился в Барнауле, в эвакуации. А с осени 1945 года мы уже жили в Петербурге. После войны в большие города съезжались люди из ближайших разоренных областей, и они надеялись, что в городе найдут хоть какое-то пристанище, хоть какой-то приработок. И хотя послевоенный Петербург жил очень тяжело, но все равно люди туда стремились, потому что у них было еще хуже.

Приезжие знали, что мы живем в квартирах, пусть коммунальных, но квартирах, у нас есть входная дверь, которая закрывается, а у них не было вообще никакого жилья. И я помню весь этот ужас, когда звонят в дверь (я знал, что не надо открывать, но все-таки открывал), и там стояли женщины с кучей детей и просили что-нибудь Христа ради. Они умоляли, дайте хоть что-нибудь. Я был очень совестливый и чуткий ребенок, и я объяснял им, что у нас ничего нет. Я видел по внешнему виду этих детей, что они чудовищно бедны. Сам-то я был в рейтузах, брючках, штанишках и курточке, а они полуголые...

Еще я помню (сам или по рассказам матери), что зимой мы с няней, этой деревенской девчонкой из-под Новгорода, как-то пошли на рынок на Кузнечной — у нее, видимо, там были амурные дела или что-то другое. И она говорит мне: «Стой здесь, никуда не уходи,

я сейчас приду». Я и стоял. И тут ко мне подошла какая-то тетка и говорит: «Мальчик, хочешь мороженое?» Кто же не хочет? «Хочу». — «Пойдем». Я пошел с ней за мороженым. Мы зашли в подъезд, она сняла с меня всю одежду, пообещав курточку (как у Буратино), и мороженое. И я стоял в этом подъезде, ждал мороженого. Естественно, никакого мороженого не дождался, и я вышел на улицу в маечке и трусиках. А на улице зима. Прохожие заинтересовались: «Мальчик, что с тобой?» — «Я жду мороженого, мне мороженое обещали». То, что я голый, а на улице зима, это меня почему-то не взволновало.

В общем, отвели меня в милицию. И вот что потрясающе. Я помню, что по полу ползал милиционер, изображал лошадку, развлекал меня. И тут открылась дверь, в ужасе влетела мать и, когда увидела, что со мной все в порядке, забилась в истерике. А няня, бедная девочка, когда увидела, что меня нет, может быть, украли, бросилась под трамвай, но, слава Богу, все обошлось. Мама потом ходила к ней в больницу.

Еще помню такое место под Петербургом — Пудость. Все мечтаю туда съездить, успею ли, не знаю. Это было замечательное место: лес, озеро, кувшинки, и там мы с матерью часто ездили на обычной телеге, которая была немножко похожа на гроб, на перевернутую трапецию. И вот мы с ней ехали, и то ли она не справилась с лошадьми, то ли слишком круто повернула, но телега перевернулась и накрыла меня, словно крышкой. Я, естественно, в крик. Мама попыталась приподнять эту телегу, но не справилась — очень тяжелая. И тогда она побежала в деревню за помощью. Прибегает

обратно с мужиками, а под телегой — тишина. У матери внутри все словно оборвалось. Мужики кое-как перевернули эту телегу. А я под ней крепко спал.

Между прочим, потом такой вариант стрессотерапии я замечал у своего сына. Я обратил внимание: если шлепнуть его по мягкому месту, он сразу в крик — и засыпал. Отработав это несколько раз, я потом спрашивал: « Степа, дать снотворного?» — «Нет, я так». И засыпал. Без всякой угрозы с моей стороны.

Припоминаю другое замечательное место — Саблино, не знаю, во что оно сейчас превратилось. Там была речка Саблинка, одна из достопримечательностей пригорода по дороге из Москвы в Петербург, где поезд пересекает через эту речку. Когда еду, каждый раз смотрю из вагона... и не могу поверить. Речка стала мелкая, «по камушкам бежит», а в детстве, помню, мы ныряли с разбега в эту Саблинку. А сейчас это просто ручей. Когда я был в Испании, то видел, что Гвадалквивир — река довольно широкая и спокойная, а у Пушкина она «бежит, шумит»...

Вернемся в Саблино — там у родственников наших соседей по квартире был небольшой дом, и они несколько раз брали меня туда летом. Я помню замечательный пруд на участке, а в нем очень много карасей! Они там размножились со страшной силой, и ловить их было одно удовольствие. Ловили их даже не сачком, а сачищем таким, просто опускали его на дно, какое-то время давали воде успокоиться, караси приплывали, и их можно было потом просто вынимать руками. Для кошки это было огромное удовольствие. Они были такие красивые, упитанные.

Еще в Саблино, справа, если возвращаться в Петербург из Москвы, стояла потрясающая, в стиле модерн, железнодорожная больница из красного кирпича. Еще сейчас кое-где видно, что у железнодорожных построек был свой стиль. Архитектор разрабатывал павильоны, привокзальные станции, даже будки стрелочников или обходчиков, все это было в комплексе. И эта трехэтажная больница тогда была действующей, а потом ее перевели в город (зачем в Саблине больницу держать), и народ всю ее растащил на кирпичи. Раствор был хороший, и ее били ломом. Сейчас там остались только руины и маленькая речка Саблинка.

Отец

Я — незаконнорожденный ребенок, бастард, и по советским законам у меня не должно было быть фамилии и отчества отца. Тем не менее отец что-то придумал, и я ношу его фамилию и отчество. Когда отца не стало, маме даже удалось выхлопотать для меня небольшую пенсию.

У отца была другая семья. Это я узнал позже, когда уже не было в живых ни его, ни матери. Мой отец после катастрофы (революции) был большевиком, и партия послала его на Кавказ. Там он женился, и у него было две дочки. Потом он встретил мою маму, но с женой, которая была старше его, не разводился. Когда родился сын, то есть я, отец был очень рад. И хотя мы не часто виделись, он меня любил. Когда он приходил, мама посылала меня встречать его около Елисеевского магазина, напротив нашего дома. Там после войны была рекламная резная гранитная тумба, на нее вывешивали репертуар кинотеатра «Сплендид Палас», который находился в глубине площади, метрах в 400–600 от Невского. Этот кинотеатр, названный так за пышность убранства, считался одним из лучших в городе, и его потом переименовали в «Рот Фронт», а затем он получил новое имя — «Родина».

Когда я возле этой тумбы встречал отца, он всегда спрашивал: «В квартире никого нет?» И потом подни-

мался, ненадолго задерживался и уходил. По-моему, в эвакуации он жил с нами, но это только мои догадки.

На фотографиях, которые мне достались, я вижу отца и мать в каких-то компаниях за городом, на пикниках, участвующих в спортивных занятиях. Есть фото, где он копается в мотоцикле. Потом отец стал директором треста «Ленмолоко».

О смерти моего отца я узнал из газеты. До этого я знал, что он болеет, хотя мать меня особо не посвящала в подробности. Мне было тогда лет десять. У отца была онкология, но мама, чтобы не пугать меня, говорила, что у него воспаление легких. И я прочел в какой-то газете, что нашли лекарство от воспаления легких. Я сказал: «Мама, папа скоро выздоровеет, ведь нашли какое-то лекарство». Мама поддержала мою надежду. А так как тогда все получали газету «Зеленогорская правда», это была городская газета, и я почему-то начал просматривать ее с последнего листа, где всегда печатались траурные объявления, не знаю, почему, наверное, сердце подсказало. И увидел объявление: «Организация «Ленмолоко» с прискорбием сообщает о смерти...»

Наверное, за год до его ухода из жизни мы с матерью приходили к отцу на работу, и в бухгалтерии мне дали новенький, только что напечатанный бумажный рубль. А я копил деньги, и к 8 Марта у меня набиралось рублей семь-восемь. И тогда я покупал маме, нет, не духи, а одеколон — он дешевле. А в моем представлении, если хорошо пахло, значит, духи.

Я помню прощание с отцом, его похороны, и хотя отца и мать к тому времени уже ничего не связывало, мама выхлопотала небольшую пенсию. Сама она всю жизнь